

## ГЕРМАНИЯ НА ПУТЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ: ОПЫТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Автор: В. В. МИРОНОВ

*МИРОНОВ Владимир Васильевич - доктор философских наук, профессор, проректор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, декан философского факультета.*

Когда мы пытаемся определить содержание и сущность перемен в современном мире, мы сталкиваемся с большими трудностями. Многое меняется, но многое и сохраняется, а еще многое появляется вновь. Синтез, симбиоз и переплетение "нового" и "старого" - эти термины еще долгое время будут оставаться ключевыми характеристиками посткоммунистических стран.

Обратив внимание на книгу "Россия и Германия: Опыт трансформаций"<sup>1</sup>, учитывая вышеприведенный контекст, мне захотелось увидеть в ней и итоги процесса перемен, и определения магистральных путей развития России и Германии на перспективу.

При первом впечатлении кажется, что книга написана исключительно в традиции "индустриальной социологии", хотя последняя начала постепенно угасать еще в 1970 - 1980-е гг. Среди причин этого угасания называлась и такая: индустриальная социология очень много внимания уделяла изучению закрытых систем, сосредоточившись исключительно на рабочей группе, как правило, "изъятый" из контекста остального предприятия, концерна, отрасли, хозяйства в целом.

Действительно, в эмпирической части этого исследования представлены три предприятия: *предприятие "А"*, занятое сооружением энергетических установок, производящее турбины и компоненты для электростанций, а также специализирующееся на реконструкции турбин русского конструктивного стиля; *предприятие "В"* - производящее полиграфические машины, осуществляющее поставку деталей и оборудования для монтажных предприятий, и *предприятие "С"*, занимающееся производством тормозов и различных деталей к ним. Все предприятия, а точнее, их *транзит, трансформация*, описаны с немецкой педантичностью и дотошностью - от истории возникновения и до настоящего времени, со всеми элементами общего и различного при идентификации процессов трансформации; от критериев выбора этих предприятий для эмпирического изучения, описания методов проведения и масштабов исследования до детальной разработки элементов промышленной политики по отношению к персоналу. Хочется подчеркнуть, что данная часть книги выполнена в лучших научных традициях немецкой индустриальной социологии, которая, несмотря на сильную критику, дает добротный эмпирический материал и его глубокое концептуальное осмысление.

---

<sup>1</sup> Россия и Германия: Опыт трансформаций / Отв. ред. Н. И. Дряхлов (Ин-т соц. - эконом. проблем народонаселения). М.: Наука, 2004. 294 с.

Особое внимание при этом уделяется *корпоративной культуре*. Авторы подчеркивают, что эта форма культуры отражает, с одной стороны, социальное единство и сплоченность работников, а с другой, - эффективность ее деятельности. Когда люди имеют единые ценности и нормы поведения, нет необходимости указывать им, как они должны поступить в каждой конкретной ситуации: организация может быть "уверена", что ее члены примут правильное решение, руководствуясь общими культурными нормами и ценностями. *Культура организации, корпоративная культура* рассматривается не только как установленные "жестко идеологические" методы управления предприятием, а скорее как коммуникативные типы управления, основанные на более или менее близких картинах восприятия мира, базирующихся на общих ценностях и идеях превращения организации в успешно функционирующее предприятие.

Компании, которые хорошо ведут свои дела, стремятся выработать ясные цели и четко выраженные принципы, что обязательно включает представление о корпоративной культуре как залого успеха. Наконец, все изменения в организациях указывают на важность сильных корпоративных культур, гибких, способных приспосабливаться к новым условиям. Как показывает функционирование процветающих фирм, предприятий, в них при любых изменениях учитывались интересы служащих, покупателей и акционеров. В то же время в неэффективных, малорезультативных предприятиях этой форме культуры не уделялось постоянного внимания, в том числе и тогда, когда намечались изменения, носящие фундаментальный характер.

Изучение типа корпоративной культуры отдельно взятой организации позволяет понять, как она функционирует, как воздействует на своих членов и как они, в свою очередь, влияют на нее. В этих условиях производительность труда работников и их моральный дух неразделимы (с. 63 - 64). На конкретных примерах авторы описывают специфические особенности практики работы успешных немецких предприятий, представляющих модели *высокой культуры производства*. Для внедрения таких моделей крайне важны не только собственно общие или различные *социокультурные ценности*, а представляются также культурные ценности сугубо производственно-экономического характера.

*Корпоративная культура* определяет, как менеджеры и персонал фирмы подходят к решению проблем, обслуживают заказчиков, ведут дела с поставщиками, реагируют на конкурентов и как они осуществляют свою деятельность. Она определяет место организации в окружающем мире, олицетворяет собой неписанные законы, неформальные нормы и "правила игры", которые объединяют всех членов организации по поводу решения общих задач, важных для предприятия.

В литературе не существует общепринятого определения корпоративной культуры. Многие ученые понимают ее как систему согласованного мнения и ценностей, разделяемых членами организации, как характерную черту, отличающую одну организацию от другой. В связи с этим для *эмпирического исследования* корпоративной культуры были выделены такие элементы, как: профессиональные традиции; философия и идеология предприятия; совместно разделяемые ценности; стиль действий руководства; стиль взаимодействия с персоналом. Эти элементы корпоративной культуры были выявлены, операционализированы, изучены и проанализированы в контексте развития этих предприятий.

Конечно, культура - не единственная составляющая успеха; очень важны такие аспекты, как стратегия компании и ее структура, организация производственных процессов, система оплаты, конкурентоспособность. Но корпоративная культура является ключевым компонентом успеха. Это и доказывает социокультурный подход, преломляющийся в анализе *неформальных отношений*, особенностью которых стал феномен "переплетенной собственности". Такая форма собственности ("переплетенная"), как утверждают авторы, фундаментальное *социоэкономическое явление*, которое было выявлено и зафиксировано на данных предприятиях. *Неформальные отношения* - это и явное наличие *сетей переплетенного директора* (или *личной унии*) - в различных формах совместного и/или перекрестного владения акциями, реализуе-

мого, в частности, в целевом движении ресурсных потоков. *Неформальные отношения* - это и "костные" структуры, которые действуют, несмотря ни на что, вплоть до того, что вступают в противоречие с "запланированными" формальными структурами и даже модифицируют их.

Авторы полагают, что только в превращении неформальных структур в новые формальные структуры последние могут обрести возможность длительного существования (с. 60). Допускается также и то, что формальные и неформальные структуры в течение длительного времени могут существовать параллельно. При этом неформальные (фактические) методы, склоняющие работников к активному сотрудничеству, лояльности и согласию, намного эффективнее, чем принуждение (например, увольнение тех, кто не желает сотрудничать), даже с точки зрения вовлечения рабочих в "погоню за прибылью". Кроме того, спонтанные неформальные социальные процессы возникают в рамках любой формальной организационной структуры.

Однако, если вдуматься в фразу: "внешняя рыночная среда как фактор реорганизации", то многое в понимании ситуации на микроуровне предприятия становится неясным. Почему именно рынок должен все расставить по своим местам? Общепринятые критерии, по которым измерялись успехи трансформации, долгое время были сориентированы на экономические показатели. И поэтому узловым элементом посткоммунистической политики реформ в начале 1990-х годов было возвращение к стратегии экономического роста. Такая установка является сохраняющейся и по сей день "базисной парадигмой успешного перехода", включающей в себя набор краткосрочных и быстрых мер, ориентированных на спрос и жесткие требования рынка.

Этот вопрос крайне актуален и сегодня. И в книге он, на мой взгляд, не получил достаточного ответа. Ведь существуют проблемы макроуровня, особенно касающиеся вопросов транзита Восточной Германии и их аналогов в России.

В любой научной дискуссии по поводу трансформационного перехода, рыночных реформ и постсоциалистической реконструкции проводится *ретроспективный анализ фундаментальных причин*, почему эти системные изменения происходят именно в этой стране, именно в это время и именно так, а не иначе. В данной книге этого произведено не было. Тем не менее, важно отметить, что в период Первой мировой войны многие интеллектуалы, начиная от Томаса Манна и до Макса Шелера, выступили на стороне кайзера и в поддержку войны. Они полагали, что победа немецкого оружия явится следствием превосходства немецкой культуры и немецкой политической системы. Поражение в войне обнаружило несостоятельность их утверждений. Установление Веймарской республики означало поворот в сторону западных демократических ценностей и что тем самым Германия отказалась от идеи "особого пути".

В дискуссии об обновлении Германии после Второй мировой войны были проанализированы две основные темы - историческая и духовно-политическая. Как получилось, что была разрушена Веймарская республика и к власти пришли национал-социалисты? Почему большинство немцев были послушными подданными национал-социалистической диктатуры и ее идеологии? Все это остается главным направлением исторических исследований по сегодняшний день. Нацистская диктатура означала кончину немецкого "особого пути", который завел не просто в тупик, но и привел к национальной катастрофе. В эпоху Аденауэра существовала пропасть между духовным направлением в жизни общества и политикой. Они двигались разными путями. Это привело к тому, что большая часть интеллектуалов оказалась за пределами формирования общественного мнения. Интеллектуалы сосредоточились в основном на проблемах духовно-морального обновления, власти решали проблемы повседневной жизни, вводя в эту жизнь принципы рыночной экономики. Для многих немецких интеллектуалов разочаровывающим было и то обстоятельство, что в процессе восстановления и создания "экономического чуда" вопросы духовной жизни почти не играли роли. Признавалось лишь то, что могло утвердить себя на рынке.

В немецкой культуре понятиям - власть и дух - придавалось большое значение. Партия духа - интеллектуалы - всегда относилась к власти критически, пытаясь кон-

тролировать ее действия. Власть с подозрением относилась к этим попыткам, усматривая в них недобрый замысел. 1980-е и 1990-е годы не давали немецким интеллектуалам повода для вызова. Они в основном занимались собой. Но вот наступил момент развала Советской империи и "мирной революции" в ГДР. Германия стала объединяться. Как повели себя в этой ситуации интеллектуалы? На востоке страны они в отличие от того, что происходило в Польше, оказали мало влияния на свержение режима, а на западе страны мало сделали для духовной ориентации и легитимации процесса объединения.

Глубинный контекст экономической трансформации любой страны заключается в том, что главнейшей чертой мирового развития в конце XX - начале XXI века стал *распад системы социализма*. Подавляющее большинство восточноевропейских государств приняли твердое решение в пользу рыночных отношений. Это произошло из-за неэффективности стратегических концепций экономического развития, низкого уровня квалификации высшего эшелона управленцев, негибкости централизованной плановой системы управления, ее постоянной неконкурентоспособности и ограниченности. Главное достоинство частной собственности состоит не столько в том, что на ее основе вырабатывается какой-то однородный тип организации, превосходящий по эффективности остальные, а в том, что благодаря свободе обмена и комбинирования прав собственности она предоставляет максимально широкое поле для создания разных организационных форм, чего практически нет в условиях господства государственной собственности.

Во время краха ГДР на пространстве бывшего социалистического государства образовался вакуум идей и действий. Тогда для восточных немцев встал вопрос о новых перспективах развития общества, а для каждого в отдельности - о новых ориентирах собственного жизненного пути. ФРГ же после воссоединения осталась такой же, какой и была. В структурном отношении созданы все предпосылки для успешной интеграции бывшей социалистической системы в систему ФРГ. В этот процесс объединения ГДР не привнесла с собой ничего собственного, что можно было бы с успехом защитить и сохранить. Ее жители хотели для себя только выравнивания уровня жизни с населением ФРГ.

В соответствии с договоренностями о создании социального союза на ГДР было распространено законодательство ФРГ о труде и системе социального обеспечения, а также все нормы правовой системы. Для бывшей ГДР были установлены новые нормы правового регулирования собственности. Параллельно с этим проходила подготовка к передаче государственной собственности в частные руки. Предполагалось, что данный процесс будет означать формирование центрального функционального элемента капиталистической рыночной экономики - инициацию мотивационных воздействий частных прав распоряжения и пользования, способствующих существенному повышению эффективности использования экономических ресурсов. На деле это означало реструктуризацию всего предпринимательского сектора бывшей ГДР на принципах конкуренции и приватизации предприятий, что позволило бы создать эффективную экономическую структуру. Предприятия, не имевшие шансов на выживание в рыночной среде, подлежали ликвидации. Но при этом не учли важного обстоятельства. В отличие от реформ Эрхарда при создании ФРГ, когда они были поддержаны американским капиталом, этот процесс пошел по иной схеме. Надеялись на то, что фактическая ликвидация промышленности ГДР приведет к резкому всплеску экономической активности, западный капитал "потечет" в новые земли, как грибы будут расти новые промышленные предприятия, возникнет огромный рынок труда. Этого не произошло. Западному капиталу оказалось не очень выгодно идти туда по законам ФРГ. Затрат больше, рентабельность ниже, а зарплата и пенсионное обеспечение должны были соответствовать нормам ФРГ. Не случайно, почти десять лет в восточных землях работали выходцы из других стран, в том числе, и нелегально (чехи, словаки, украинцы, русские), а немцы пополняли рынок безработных. Более того, сегодня обнаруживается и еще одно следствие - отсутствие необходимого количества

энергичных предпринимателей, которые на стадии их возможного формирования были буквально "раздавлены" западным капиталом.

Если на первом этапе объединения дискуссии о будущем Восточной Германии закончились весной 1990 г., когда был заключен экономический, валютный и социальный союз между ГДР и ФРГ, то после подписания Договора об объединении 3 октября 1990 г. этот вопрос практически не поднимался. Тогда казалось, что ГДР имеет двойное преимущество перед другими восточноевропейскими странами: прочную основу испытанных государственных институтов и ясную перспективу - постепенного выравнивания уровня жизни до западногерманского. Путь "догоняющего развития" виделся как "королевская дорога" в прекрасное будущее.

Сегодня вызывает удивление тот идеализм, который царил в обществе ГДР в те дни, хотя Юрген Хабермас в 1991 г. предупреждал о негативных последствиях избранной формы объединения Германии: "Отказ от осознанного акта принятия новой конституции препятствовал тому, чтобы объединение стало общим проектом. Вместо этого был принят вариант будущего в форме прошлого"<sup>2</sup>. Вместо того, чтобы сообща принять новую германскую конституцию и создать общую республику на основе "нового объединения", немцы пошли по пути "*воссоединения*". Обе стороны черпали идеи и представления о будущем из резервуара истории западногерманского успеха: от "плана Маршалла" и денежной реформы до экономического чуда. Предполагалось, что в течение десяти лет произойдет выравнивание жизненного уровня, подобно тому, как это случилось в Западной Германии к 1955 г. Однако концепция выравнивания путем догоняющей модернизации по образцу западногерманского "экономического чуда" в новых землях ФРГ практически провалилась.

И это, как мне представляется, была определенная историческая ошибка, так как реально произошло не объединение двух стран как некий синтез, интеграция лучших качеств обеих социальных систем, а подчинение одной системы (которая была определена как плохая) другой (которая позиционировалась как передовая). В результате на территории западных земель возникли трудности, связанные с перераспределением части финансовых потоков в восточные земли Германии. А восточные земли, с другой стороны, получили весь спектр проблем, о которых они забыли при социализме (гарантия работы, бесплатные ясли и детские сады и пр.). Более того, до сих пор сохраняется деление на "Ossi" и "Wessi", которое проявляется в разнице зарплат даже военнослужащих, посылаемых в другие страны. С этим же были и связаны многочисленные суды над бывшими лидерами ГДР, которые, по существу, были вне правового плана, так как граждане осуждались за нарушение законов другой страны. История не допускает сослагательных наклонений, но по-видимому, были и иные варианты объединения, в которых, кстати, большую роль мог занимать и СССР, а позже Россия.

Разногласия распространялись также на научное объяснение трансформационных процессов. Возникал спор о том, допустимо ли сравнивать посткоммунистический перелом с опытом реформ в других странах мира или он уникален в силу своей радикальности. Можно ли понять переход к рыночной экономике и демократии с помощью универсалистских теорий экономической и политической наук? Или наследие коммунизма требует регионального научного подхода, в том числе и в изучении посткоммунистической реконструкции?

В 1990-е годы существовал реальный исторический шанс конвергенции Запада и Востока. Совершенно ясно, что бывшая ГДР могла (по примеру того же Китая) стать на некоторое количество лет свободной экономической зоной с особыми экономическими и налоговыми механизмами, что позволило бы сконцентрировать капитал, выровнять системы, а затем уже провести окончательное объединение. (Кстати, аналогичное решение напрашивается и в ситуации с Крымом, но шансы уже упущены.) Вместо этого Восточную Германию вынудили пойти по пути даже не "догоняющей", а

---

<sup>2</sup> Цит. по: Zukunft Ost: Perspektiven für Ostdeutschland in der Mitte Europas Berlin, 2001. 29 S.

"подражательной" модернизации. Сначала эта модель была апробирована в Восточной Германии, а потом - в России.

Экономический коллапс, начавшийся в Восточной Германии сразу после введения западногерманской марки, продлился весь 1991 г. Последовавшее к середине 1990-х годов незначительное улучшение даже после миллиардных трансфертов не доказывало правильность избранной концепции догоняющей модернизации, так как с 1997 г. Восточная Германия вновь начала отставать по темпам развития от Западной.

Экономическая практика ФРГ последних пяти лет (2001 - 2005 гг.) показала, что поставленная цель политиков - выравнивания уровня жизни восточных немцев с западными - оказалась иллюзорной. Многомиллиардная поддержка Восточной Германии стимулирует, прежде всего, производство на Западе, а Восток представляет интерес лишь как рынок сбыта. Только 73 приобретаемых восточными немцами товаров и услуг производится на их территории. Причем перестали производить даже продукты сельского хозяйства, которые по многим параметрам не уступали западным. Сейчас "выровнять" ситуацию пытаются лишь за счет идеологических средств, пропагандируя потребителя покупать восточные товары. Некоторый эффект от этих акций постепенно начинает проявлять себя, но опять же момент был упущен. Образующийся дефицит покрывается в основном за счет государства. Поэтому нужно проститься с иллюзией равномерного развития всех регионов Восточной Германии. Важнее объединить и сконцентрировать имеющийся потенциал для эффективной деятельности конкурентоспособных предприятий и ведущих исследовательских центров. Но сегодня основная проблема состоит не в утрате иллюзий, а в том, чтобы их место заняла новая, ясная перспектива. Попытка воспроизводить восточногерманское общество по образцу Западной Германии безосновательна и бесперспективна. Восточной Германии следует развивать собственную мощь, создавать свою экономическую компетентность и завоевывать рынки, которые еще не заняты.

Парадокс посткоммунистической смены систем, безальтернативного введения западных стандартов состоял в том, что оно практически не следовало западной логике: в западной традиции общество диктует свои правила государству; в случае "догоняющей" модернизации Востока "разгосударствление" стало "государственной задачей". Данный парадокс смены системы относится и к России.

В книге показывается, что трансформационный переход в Восточной Германии и необходимость решения проблем рационализации предприятий связывается с концепцией *"постфордистского развития"*. Сделан важный концептуальный акцент на том, что структурная составляющая новой промышленной политики должна быть связана с существованием *восходящих и увядающих отраслей* и международной стратегической конкуренции. Для *постфордистских концепций*, взятых на концептуальное вооружение, характерно стремление иметь теоретический инструментарий для исследований социально-экономического и социокультурного развития (в терминах движущих сил, механизмов социально-экономических трансформаций, временной и пространственной неравномерности развития, возникающих противоречий, а также и ценностей, субкультур, институтов) с учетом двух фундаментальных составляющих - ситуативной и "акторской" ("микropolitической"). Важно, что *институциональное оформление* экономического процесса придает ему внутреннее единство и стабильность. Оно *порождает структуру*, наделенную в фирме конкретной функцией. Институциональное оформление изменяет место экономического процесса в функционировании фирмы, придавая тем самым большую значимость ее промышленной истории.

*Культура* была решающим фактором в зарождении *постфордизма*, особенно в создании консенсуса, модели сотрудничества в командной работе. Институциональное оформление социоэкономического процесса концентрирует внимание на ценностях и мотивах, на проводимых изменениях.

Еще одна серьезная проблема - это люди, восточные немцы, которые уже не являются гражданами ГДР, но и не стали западными немцами. Осознание прошлого способствовало восприятию ГДР как тоталитарного государства, но оставило вне поля

зрения достижения и жизнь людей того времени. Восточногерманская идентичность прежде всего связана с идеями равенства и справедливости, что проявляется как в личной, так и в общественной жизни. В условиях объединенной Германии восточные немцы чувствуют себя гражданами второго сорта. Неравенство шансов бросается в глаза, особенно при взгляде на западных немцев, работающих на Востоке.

Наконец, нужно учитывать и то, что на протяжении всей своей послевоенной истории Германия являлась зоной повышенного напряжения. На ее земле лицом к лицу сходились две могущественные мировые системы. Территории ФРГ и ГДР представляли собой наиболее важный стратегический плацдарм для военно-политических блоков Запада и Востока, соответственно, со всеми вытекающими отсюда последствиями. По этой причине Германия сразу после 1945 г. стала центром конфликта между Вашингтоном и Москвой, и в случае любого военного конфликта первой и наиболее сильно пострадала бы опять же Германия. На протяжении десятилетий немецкие солдаты и офицеры рассматривали друг друга через прицел автомата, ожидая в любой момент нападения с противоположной стороны. Поэтому для новой объединенной Германии столь желанной является смена статуса главного форпоста и оборонного редута на статус "внутренней" территории альянса.

Об этом и многом другом заставляет задуматься книга "Россия и Германия: Опыт трансформаций". Не могу в завершение не отметить огромную работу, проведенную ответственным редактором профессором Н. И. Дряхловым, подарившим нам добротное исследование.